

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каратаракис Н. Дискуссионность понятия «эврисемия»: методологический принцип «Бритва Оккама» // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.73995 EDN: AYJJQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73995

Дискуссионность понятия «эврисемия»: методологический принцип «Бритва Оккама»

Каратаракис Николаос

ORCID: 0009-0000-0104-6607

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ nikokara41@gmail.com[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.11.73995

EDN:

AYJJQE

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает концепция эврисемии в российском языкознании, подвергаемая критическому переосмыслению. Объектом анализа становятся теоретические положения российских лингвистов, которые трактуют эврисемию как особый семантический феномен, характеризующийся широкой денотативной сотнесённостью и контекстуальной обусловленностью значения. Автор детально рассматривает такие аспекты проблемы, как методологическая несостоятельность термина "эврисемия", отсутствие чётких критериев его выделения, а также смешение данного понятия с другими лингвистическими категориями. Особое внимание уделяется анализу аргументации, согласно которой наблюдаемая "широкозначность" является не самостоятельным явлением, а следствием типологических особенностей грамматического строя сопоставляемых языков — прежде всего различий между аналитическими и синтетическими языковыми системами. Автор приводит многочисленные примеры из английского, французского, немецкого и русского языков, что позволяет наглядно продемонстрировать основные положения исследования. В исследовании применяется комплексная методология, включающая:

сопоставительный анализ языковых явлений, метод концептуального моделирования, компонентный анализ семантики, дедуктивный метод, а также принцип "Бритвы Оккама" как инструмент критической оценки теоретических конструкций. Особое значение придается анализу широкого корпуса примеров из разных языков и различных функциональных стилей. Научная новизна исследования заключается в последовательной деконструкции понятия "эврисемия" как методологически несостоятельного. Автор доказывает, что наблюдаемые явления "широкозначности" представляют собой: 1) результат межъязыкового сопоставления, а не внутреннее свойство лексики; 2) проявление типологических различий между аналитическими и синтетическими языками; 3) следствие смешения различных лингвистических явлений (полисемии, грамматикализации, синтагматической вариативности). Основной вывод работы заключается в том, что эврисемия не обладает статусом самостоятельного языкового феномена, поскольку не соответствует критериям универсальности, системности и верифицируемости. Практическая значимость исследования состоит в разработке более строгого методологического подхода к анализу семантических явлений без использования терминологически избыточных конструкций. Автор приходит к выводу о необходимости пересмотра традиционных представлений об эврисемии в современной лингвистической науке.

Ключевые слова:

эврисемия, широкозначное слово, Бритва Оккама, словообразование, аналитизм, синтетизм, русский язык, семантика, общее значение, широкозначность

1. Введение

Термин «широкозначность» был впервые введён Н. Н. Амосовой, которая определила его как «лингвистическое явление лексико-семантического уровня, характеризующееся расширением семантического объёма слова для обозначения различных денотатов» [\[1, с. 114\]](#). Это определение сформировало представление о том, что широкозначные слова обладают единым «общим, инвариантным, предельно обобщённым значением», представляющим собой своего рода моносемию, уточняемую в зависимости от контекста или речевой ситуации.

В рамках этой концепции О. Е. Феодосова трактует широкозначность как наличие у слова сигнификативного, обобщённого значения [\[2\]](#), тогда как Е. А. Евдокимова рассматривает её как степень обобщённости лексической единицы [\[3\]](#). А. А. Авдеев определяет широкозначность («платеосемию» в его работе) как «особую категорию лексической семантики, существующую в языках как аналитического, так и синтетического строя и объединяющую слова (главным образом, имена существительные) с потенциально широкой референциальной отнесенностью и высокоабстрактным лексическим значением» [\[4\]](#).

М. Ю. Евтеева сформулировала следующее определение: «широкозначность основана на существовании «общего» инвариантного значения, которое может быть представлено несколькими прототипическими значениями, участвующими в реализации различных метонимических и метафорических переносов на основании регулярной когнитивной модели, не всегда приводя к образованию нового значения» [\[5, с. 243\]](#). Е. Д. Маринова определяет широкое значение как «прямое значение, содержащее максимальную

степень абстракции, отвлечения, выражающее единое обобщенное понятие, которое получает внешнюю конкретизацию через контекст или речевую ситуацию» [6, с. 91]; А.М. Дудина даёт следующее компактное определение широкозначных лексических единиц: это «такие лексические единицы, значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью» [7, с. 20].

Несмотря на различные подходы к определению данного явления, большинство исследователей выделяют ряд специфических признаков широкозначных единиц, исключая такие явления, как десемантизация и грамматикализация. Так, В. К. Колобаев указывает на следующие черты:

1. Полиденотативность — способность обозначать разнородные объекты и явления;
2. Синкретизм — наложение оттенков и подзначений;
3. Синсемантизм — отсутствие определенного денотата;
4. Десемантизация — утрата лексического значения и переход в грамматическую сферу;
5. Полифункциональность — способность выполнять как лексические, так и грамматические функции;
6. Контекстуальная зависимость — необходимость широкого контекста для конкретизации значения (Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (На материале медицинских публикаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. - 14 с.).

В.Я. Плоткин считает, что широкозначность не характеризует широкий понятийный охват, поэтому и не сводится к максимальному абстрагированию, которое существенно каждому языку [8]. В качестве примеров он приводит слова *делать*, *существовать*, *предмет*, *вещь*, которые, несмотря на высокий уровень абстракции, не считаются широкозначными [8; 9]. Примечательно, В.Я. Плоткин и Л.Я. Гросул отрицают полностью наличие широкозначных существительных в русском языке [10, с. 86].

В противоположность этому А. М. Плотникова подчёркивает, что широкозначные слова имеют значение характерно для широкой денотативной отнесенности и контекстуальной обусловленности, например, английские глаголы *to give*, *to get*, *to take*, *to put* и др. В дополнение тому она разделяет понятия «широко развитая многозначность» и «широкозначность», заявляя, что не являются синонимичными, поскольку в первом подчеркивается количественный аспект явления (наличие множества значений), а во втором – семантический (обобщенный характер семантики, широкая референция, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями) [11].

В целом внимание исследователей сосредоточено на абстрактных существительных *вещь*, *слово*, *thing*, *matter*, *way* и частотных глаголах *иметь*, *быть*, *делать*, *get*, *take*, *do* и др., преимущественно в аналитических языках, где структура поощряет развитие широкозначности [4; 6; 12].

Так, М. Ю. Евтеева исследует глаголы с общим значением «делать» в русском, латышском и немецком языках, приходя к выводу о наличии у них прототипических широкозначных структур [5]. Аналогично, Е. И. Малютина рассматривает глаголы *do*, *have*, *be*, определяя их как однозначные по природе, но обладающие обобщённым

лексическим прототипом-инвариантом [9].

Также в ряде работ рассматриваются в диахронии английские глаголы *get, keep* [6], *build, create, define, develop, include* и др. [13], глаголы размещения *mettre, to put* [14], а также глаголы *give, take, make, come, go* [15]. Среди существительных изучаются *thing, matter, fact, way, body, person* [16; 17; 18 и др.].

Существенным остаётся вопрос о возможности разложения инвариантного значения широкозначного слова. В. К. Колобаев утверждает, что такое значение невозможно представить в виде набора дифференциальных признаков, что отличает широкозначность от полисемии (Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (На материале медицинских публикаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1983. 14 с.). Согласно с этим, Е. П. Беляева считает, что обширная понятийная основа таких слов не позволяет свести их значения к единому содержательному ядру [19, с. 88]. Е. И. Малютина объясняет это «чрезвычайной абстрактностью и обобщённостью» инварианта, который трудно выразить средствами языка [9, с. 43]. Фундаментальное представление об инвариантном значении как основе широкозначности (или эврисемии) принадлежит Н. Н. Амосовой, которая отмечала, что подобное значение проявляется лишь в условиях изоляции и конкретизируется в речи [1, с. 114].

В рамках нашего исследования было показано, что за понятием «широкое» значение в контексте эврисемии скрывается не особое значение, а скорее широкая сочетаемость. Это объясняет активное функционирование таких слов в аналитических языках, в которых грамматические и лексические связи ярче выражаются на синтагматической оси. Также было проведено разграничение между «общим» значением, представляющим собой инвариант в системе полисемии, и обобщённым значением, основанным на сочетании обобщённой понятийной основы с широкой денотативной соотнесённостью [20].

Настоящая статья является продолжением предыдущей, в которой была начата аргументация несостоятельности понятия «эврисемия» или «широкозначность» [20]. В данном исследовании предпринята попытка её деконструкции с использованием методологического принципа, известного со времён средневековой схоластики, — **бритвы Оккама**, предполагающей устранение избыточных сущностей при научном анализе. В продолжении данной работы будет применен термин «эврисемия», вместо «широкозначность».

2. «Многообразие» в понятии «эврисемия»

Автор настоящей статьи исходит из методологического принципа «бритва Оккама», согласно которому «сущности не следует умножать без необходимости» (в оригинальной формулировке: «*To, что может быть объяснено меньшим числом предпосылок, не следует объяснять большим*»; «*Многообразие не должно допускаться без необходимости*») (НФЭ - <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ec01008dba3d6c128fb7>). Это означает, что понятие «эврисемия» оправдано лишь в том случае, если оно позволяет объяснить языковые явления, не поддающиеся интерпретации с помощью уже существующих понятий, и не требует привлечения громоздких гипотез. В противном случае мы имеем дело с необоснованным «умножением сущностей».

В качестве отправной точки формулируется на первый взгляд очевидный тезис: термин «широкозначность» (или «эврисемия») восходит к семантике слова **«широкий» (количественное прилагательное)**, которое всегда требует сравнение с другим объектом, например, «коридор» определяется «широким» по сравнению с другим, более узким. Таким образом показывается, что сама идея «широкозначности» возникла в российской лингвистике как результат сопоставления русского языка с преимущественно аналитическими языками (английский и французский), где значения активнее выражаются на синтагматической оси. Русский язык как синтетический тип более выразителен на парадигматической оси. В этом контексте «широкое значение» обозначает скорее высокую сочетаемость лексемы, а не единое, общее значение [20].

Отсюда следует важный вывод: лексемы, признанные широкозначными, воспринимались как таковые исключительно в сопоставлении с русским языком, а не на основании универсальных языковых характеристик. Таким образом, «эврисемия» — это не системная языковая категория, а феномен, проявляющийся лишь в межъязыковом анализе. Она не является внутренней характеристикой языка, а представляет собой **«продуктом сопоставления»**.

Тем не менее хоть и продукт сопоставления, понятие «эврисемия» не является таковым, поскольку зачастую не проводится конкретный сопоставительный анализ широкозначных единиц. Наоборот, в научной литературе, посвящённой эврисемии, широкозначные лексические единицы выявляются на основе множества гипотетических характеристик, таких как: полифункциональность, синсемантизм, обобщённое значение, абстракция, частичная десемантизация, синкретизм, полиденотативность, способность вступать в гипо-гиперонимические отношения, широкая референция и т.д.

В результате почти все исследуемые лексемы объявляются широкозначными. Так, М. Ю. Евтеева относит к ним глаголы с общим значением «делать» в латышском, русском, немецком и английском языках [5]; Е. Л. Соболева рассматривает как широкозначные глаголы *turn* и *grow* [15]; Е. И. Малютина — *do*, *have*, *be* в английском [9]; А. М. Дудина относит к широкозначным *иметь/avoir*, *делать/faire* в белорусском и французском [7]. Перечень таких исследований является огромной.

Отсутствие объективных критериев делает невозможным сопоставление лексем между языками, так как:

1. неясно, по отношению к чему определяется степень широкозначности, если лексемы напрямую не сопоставляются;
2. непонятно, на каком основании можно отнести единицу к категории широкозначных без соблюдения некоторых общих методологических принципов и положений.

Проблематика концепции эврисемии раскрывается также в разнообразии исследуемого материала: одна и та же лексическая единица может анализироваться в различных жанрах, типах текста, контекстах, что влияет на интерпретацию её широкой сочетаемости и референции. И. В. Иевлева исследует глаголы с обобщённым значением «делать» в пяти языках, опираясь на художественную литературу [21]; С. В. Иванова и П. Е. Гапиенко усматривают проявления эврисемии в терминосистемах искусствоведения [22]; Н. В. Литвинова рассматривает образование отрицательной формы повелительного наклонения глагола *do*, исследуя его широту: *don't do it!* «не делай этого!»; *do not speak!* «не говори! молчи!»; *don't be afraid!* «не бойся!»; *don't be silly!* «не глупи!» [23, с.

[3731](#); А. Г. Торжок подчёркивает номинативную широту слова *thing*, сравнивая её с семантическим объемом глагола *do* [\[24, с. 213\]](#).

П. С. Федюк относит к эврисемии глаголы *to put, to set, mettre*, исходя из их способности реализовывать широкий спектр значений в разных контекстах и коллокациях [\[14, с. 74–75\]](#). Лингвист дает следующие примеры: «*mettre la voiture au garage* 'поставить машину в гараж'; *mettre debout* 'поставить на ноги'; *mettre les gants* 'надевать перчатки'; *mettre la conversation sur le sujet* 'направлять разговор на какую-либо тему'; *mettre la radio* 'включить радио'; *to put more sugar in the tea* 'положить еще сахара в чай'; *to put in order* 'приводить в порядок'; *to put on* 'надевать'; - *to put a new handle to the knife* 'приделать новую рукоятку к ножу'; *to set foot on smth.* 'наступить на что-либо'; *to set the table* 'накрывать на стол'; *to set one's mind on smth.* 'сосредоточить мысль на чем-либо'» [\[14, с. 75\]](#).

Здесь следует отметить, что «эврисемия» фразовых глаголов объясняется **аналитическим способом словообразования**. Приведем простейший пример в защиту данного аргумента: различие фразовых глаголов, такие как *go in, go through, go out* и соответствующих к ним, например, в русском языке глаголов *войти, пройти, выйти*, заключается в самом словообразовании: при анализме значение передаётся через сочетание, в синтетизме — через суффиксацию и добавление приставок. Также это объясняется **десемантизацией, прозрачностью и композициональностью** фразеологических единиц. Существуют идиоматические выражения, которые могут быть вообще не членимы или анализированы ('analyzability'), а другие до определенной степени, т.е. семантически членимы ('decomposable idioms', 'idiomatically combining expressions', 'idiomatic combinations') [\[25\]](#).

Таким образом, складывается представление, что эврисемию можно выявить на основе анализа любого языкового материала — афоризмов, фразеологизмов, коллокаций, предложений, текстов и т.д., без учёта семантической специфики контекста и/или текста. Это приводит к методологическому релятивизму, при котором любое слово может быть объявлено широкозначным.

Наверное, сам термин «широкозначность» впервые был введен Н. Н. Амосовой в контексте её работы «Основы английской фразеологии» [\[1\]](#), где десемантизированные и грамматикализованные элементы фразеологических единиц трактовались как слова с «одним общим значением».

В итоге исследование лексических единиц без чётких методологических рамок и объективных критериев приводит к неопределенности понятия «эврисемия». Если оно зависит исключительно от исследовательского выбора материала, жанра, дискурса или индивидуального употребления, то утрачивает статус объективной языковой категории. До тех пор, пока не будут выработаны строгие и воспроизводимые критерии разграничения «широкого» и «узкого» значения, понятие «эврисемия» остаётся неопределённым и методологически сомнительным.

3. Возможность обобщения в лингвистической науке понятия «эврисемия»

Поскольку понятие «эврисемия» в его современном толковании не может рассматриваться как системное языковое явление, единственным возможным направлением, на наш взгляд, может быть разработка такой модели анализа, которая

позволяла бы рассматривать любую лексическую единицу с точки зрения всех аспектов её функционирования и была бы применима ко всем единицам языка (или, по крайней мере, к отдельным частям речи — например, глаголам, существительным и т. д.). Такая универсальность соответствовала бы методологическим признакам устойчивых лексико-семантических отношений (синонимии, антонимии, полисемии и др.), признанных в лингвистике как системные явления. Только при соблюдении этих условий можно говорить о потенциальной научной целесообразности использования термина «эврисемия».

Тем не менее даже при соблюдении указанных условий концептуализация эврисемии как системного языкового феномена представляется проблематичной. Почти все исследования в данной области исходят из наличия некоей обобщённой семы, типичной синтаксической конструкции или общей парадигматической принадлежности (общая парадигма), что выражается в устойчивом включении анализируемых лексем в определённые лексико-семантические группы: глаголы обладания, перемещения, действия, бытийности, движения и др. Из этого вытекает закономерный вывод: лексемы с существенно различными характеристиками не могут быть сопоставлены. Иными словами, сравнение несопоставимых, неравных единиц ведёт к неправильным обобщениям.

Рассмотрим три логически возможных способа выявления эврисемии на материале глаголов, принадлежащих к разным лексико-семантическим классам:

1. Индивидуальный подход Если принять за аксиому, что, например, глаголы *go* и *do* являются широкозначными (как это утверждается в ряде работ), то единственным способом обоснования такой трактовки становится индивидуальный анализ каждой единицы (по отдельности) ради их «обобщенного, широкого значения». Однако если понятие «широкое значение» не соотносится с каким-либо универсальным критерием, оно теряет научную обоснованность и превращается в произвольную и индивидуальную интерпретацию.

2. Неравноправное сравнение. При выявлении признаков эврисемии у глаголов *go* и *do* в рамках одного языка возникает проблема общих критериев сопоставления, поскольку их семантические структуры принципиально различны. Указанные глаголы относятся к разным семантическим полям, имеют различную валентность (переходность vs непереходность), выражают разные типы действия (перемещение против выполнения). Единственным общим свойством может быть аспектуальная характеристика динамичности, которая, однако, недостаточна для такого сопоставления и универсальной категоризации лексем как широкозначных.

3 . Межъязыковое сопоставление. Если эврисемию пытаться обосновать путём межъязыкового сопоставления, анализ сводится к переводной интерпретации и перестаёт быть частью внутрисистемного лингвистического описания. Таким образом, феномен эврисемии оказывается производным от сопоставления синтетических и аналитических языков, а не результатом внутренней языковой организации.

Дополнительную сложность представляет и тот факт, что даже при выявлении «эврисемии» у типологически сходных глаголов, например, *have* и *avoir*, остаётся нерешённым вопрос о том, относительно чего именно эти глаголы считаются широкозначными. Отсутствие чёткой классификации или шкалы измерения семантической «широты» делает подобные утверждения методологически непроверяемыми. В частности, это демонстрируется в монографии И. А. Семиной, где

эврисемия постулируется как универсальный феномен: в каждой главе анализируются различные части речи, однако применяются (различными исследователями) разрозненные подходы, которые не соотносятся между собой и неприменимы за пределами конкретных примеров. Всё это свидетельствует о методологической фрагментарности и невозможности научного обобщения понятия «эврисемия» [12].

Учитывая неоднородность и неопределенность понятия «эврисемия» и невозможность его интеграции в систему лингвистических терминов, а также в систему семантических отношений, автор настоящей статьи, опираясь на принцип «брита Оккама», приходит к следующим выводам:

1. Понятия «эврисемия» и «широкое значение» не обладают достаточной методологической обоснованностью и не имеют чётких дифференциальных признаков, позволяющих выделить их как самостоятельные научные термины.
2. Любая корреляция между лексической единицей и признаками, приписываемыми эврисемии, приводит к априорному признанию её эврисемии без достаточных эмпирических оснований (например, без анализа сочетаемости или семантической вариативности).
3. Эврисемия не обладает универсальностью, так как лексемы признаются широкозначными преимущественно в сравнении с русским языком, что делает обобщение невозможным.
4. Эврисемия представляет собой интерпретационную конструкцию, возникшую в результате сопоставления синтетических и аналитических языков, в частности — через противопоставление парадигматических и синтагматических способов выражения значения.
5. В настоящее время отсутствует методология, способная охватить всё функционирование лексической единицы в языке и применимая ко всем частям речи. Это делает невозможным научное описание эврисемии как системного явления.
6. В соответствии с принципом «брита Оккама» («сущности не следует умножать без необходимости»), следует признать, что понятие «эврисемия» не является необходимым научным инструментом, а представляет собой совокупность разрозненных интерпретаций.

4. Исследование «широты значения» вне рамок понятия «эврисемия»

Несмотря на критику концепции эврисемии как теоретически неопределённой и методологически неустойчивой, следует признать, что стремление описывать явления широкой семантики и многозначности отражает объективную потребность в осмыслении лексических процессов, происходящих как в отдельных языках, так и в межкультурном сравнении. Таким образом, дальнейшее исследование так называемой «эврисемии» может быть продуктивным **при условии отказа от терминологической догматики и перехода к операционализируемым, наблюдаемым параметрам анализа вне рамок идеи «одного, общего» значения.**

Возможно, целесообразно перенести акцент с поиска универсальных определений на описание конкретных механизмов обобщения, синкретизма и семантического расширения в рамках более гибких и эмпирически обоснованных моделей, например, в

когнитивной семантике или лингвистической типологии. В этом контексте не сама эврисемия, но исследования по ней, выполненные в её русле, могут стать отправной точкой для новых направлений, в которых «широта значения» будет рассматриваться как одна из характеристик слова, а не как его доминирующая или определяющая функция.

Заключение

Проведённый анализ показал, что концепция эврисемии в её нынешнем теоретическом оформлении характеризуется серьёзными методологическими затруднениями, препятствующими её функционированию в качестве полноценной лингвистической категории. Наиболее существенным недостатком является отсутствие чётких критериев, позволяющих однозначно разграничивать широкозначность и смежные явления, такие как полисемия, семантическая деривация, гипонимия и другие устоявшиеся типы семантических отношений. В ряде случаев феномен, обозначаемый как эврисемия, по сути представляет собой результат межъязыкового сопоставления, возникающий при анализе типологически разнородных языковых систем, что лишает его статуса универсальной лингвистической сущности.

Дополнительную сложность представляет терминологическая и понятийная неоднородность существующих описаний эврисемии, варьирующаяся от трактовки как инвариантного значения до понимания как широкой сочетаемости. Это затрудняет применение термина и нередко приводит к подмене объяснения лингвистических фактов введением избыточного понятия. Отсутствие единой методики выявления и описания широкозначных единиц, а также несопоставимость эмпирических данных различных исследований подрывают надёжность обобщений, основанных на концепции эврисемии.

Тем не менее, несмотря на высказанную критику, концепция эврисемии может рассматриваться как эвристический инструмент, применимый в рамках когнитивного, дискурсивного и функционально-типологического подходов. Перспективы её дальнейшего развития связаны с необходимостью теоретической переинтерпретации и уточнения понятийного аппарата.

Таким образом, дальнейшее использование концепции эврисемии в лингвистических исследованиях требует глубокой теоретико-методологической доработки. В противном случае в соответствии с принципом «брита Оккама» мы сталкиваемся с неоправданным «умножением сущностей».

Библиография

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. 208 с.
2. Федосова О. В. Глаголы широкого значения в испанском обиходном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5), ч. I. С. 218-221.
3. Евдокимова Е.А. Местоимение *it* как широкозначное слово // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2(59). С. 176-178.
4. Авдеев А.А. Проблемы широкозначности и её соотношение с полисемией и дейксисом (На материале имен существительных английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 172 с.
5. Евтеева М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением "делать" в естественном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

293 с.

6. Маринова Е.Д. Синтаксис и семантика некоторых широкозначных глаголов динамического состояния в английском языке (опыт диахронического исследования): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1995. 194 с.
7. Дудина А.М. О широкозначности глагольных единиц в диахроническом аспекте (на материале французского и белорусского языков) // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. 2019. № 1 (98). С. 20-26.
8. Плоткин В.Я. Строй английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 239 с.
9. Малютина Е.И. Глаголы широкой семантики в когнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 198 с.
10. Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и её отражение в одноязычных словарях. Кишинёв: Штиинца, 1982. С. 81-86.
11. Плотникова А.М. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. 2009. № 1/2 (63). С. 24-31.
12. Семина И.А. Широкозначность в аспекте универсальности и аналитизма. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2019. 186 с.
13. Загородняя В.А. Перевод глаголов широкой семантики в научно-технических текстах с английского языка на русский. М.: Издательство МГОУ, 2005. 144 с.
14. Федюк П.С. Глаголы размещения предметов в пространстве в языках различных групп: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 179 с.
15. Соболева Е.Л. Развитие широкозначности у глаголов *turn* и *grow*. Опыт системного диахронического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 146 с.
16. Арнольд А.А. Лексикология современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 376 с.
17. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семантического описания лексики / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
18. Димова С. Н. К проблеме широкого значения слова (на материале английского существительного *way*) // Учен. записки. Т. 416. Вып. 1. М.: МГПИ, 1971. С. 120-135.
19. Беляева Е. П. Прототипическая база семантики английских глаголов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 190 с.
20. Каратаракис Н. К иллюзии эврисемии: между "общим", "обобщенным" и "широким" значениями // Litera (в печати).
21. Иевлева И. В. Фундаментальный глагол действия в языках различных групп: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 193 с.
22. Иванова С.В., Гапиенко П.Е. Терминосистема искусствоведения: широкозначность и многозначность в действии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 38-46.
23. Литвинова Н. В. Семантический потенциал широкозначного глагола "ДЕЛАТЬ" в языках различных групп // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 371-375.
24. Торжок, А. Г. Еще раз о широкозначности и многозначности // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования. Сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь". С. 211-215.
25. Добровольский Д. О. Между лексиконом и грамматикой: о синтаксисе идиом // Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936-2019). Избранные доклады / под ред. В. П. Казакова. –

СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. (St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. Vol. 3). С. 85-99.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается дискуссионность понятия «эврисемия». Предмет исследования актуален в силу его терминологической и понятийной неоднородности, дискуссионности и неоднозначности: «несмотря на различные подходы к определению данного явления, большинство исследователей выделяют ряд специфических признаков широкозначных единиц, исключая такие явления, как десемантизация и грамматикализация», «складывается представление, что эврисемию можно выявить на основе анализа любого языкового материала — афоризмов, фразеологизмов, коллокаций, предложений, текстов и т.д., без учёта семантической специфики контекста и/или текста. Это приводит к методологическому релятивизму, при котором любое слово может быть объявлено широкозначным», «до тех пор, пока не будут выработаны строгие и воспроизводимые критерии разграничения «широкого» и «узкого» значения, понятие «эврисемия» остаётся неопределённым и методологически сомнительным».

Теоретической базой исследования обоснованно послужили фундаментальные и актуальные труды таких российских ученых, как Н. Н. Амосова, А. А. Уфимцева, А. А. Авдеев, О. В. Федосова, М. Ю. Евтеева, В. Я. Плоткин, Л. Я. Гросул, Е. И. Малютина, А. М. Плотникова, И. А. Семина, С. В. Иванова, П. Е. Гапиенко, Д. О. Добровольский и др., посвященные проблемам широкозначности, глаголам широкой семантики и т. п. Библиография статьи составляет 25 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Автор провел достаточно серьезный комплексный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание на неполное библиографическое описание источника 24.Торжок, А. Г. Еще раз о широкозначности и многозначности // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования. Сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь". С. 211–215 (отсутствует год публикации).

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод; сравнительно-сопоставительный и структурно-семантический методы, когнитивный и контекстуальный анализ и др.

В результате анализа теоретического материала и его практического обоснования сделаны выводы о том, что «концепция эврисемии в её нынешнем теоретическом оформлении характеризуется серьёзными методологическими затруднениями, препятствующими её функционированию в качестве полноценной лингвистической категории». Определены её наиболее существенные недостатки: «отсутствие чётких критериев, позволяющих однозначно разграничивать широкозначность и смежные явления, такие как полисемия, семантическая деривация, гипонимия и другие устоявшиеся типы семантических отношений». Отмечено, что концепция эврисемии

может рассматриваться как эвристический инструмент, применимый в рамках когнитивного, дискурсивного и функционально-типологического подходов. Перспективы её дальнейшего развития автор(ы) связывают с необходимостью теоретической переинтерпретации и уточнения понятийного аппарата.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в изучение концепции эврисемии («в настоящее время отсутствует методология, способная охватить всё функционирование лексической единицы в языке и применяемая ко всем частям речи. Это делает невозможным научное описание эврисемии как системного явления», «в соответствии с принципом «бритва Оккама», следует признать, что понятие «эврисемия» не является необходимым научным инструментом, а представляет собой совокупность разрозненных интерпретаций»). Полученные результаты могут представлять интерес для исследователей проблемы широкозначности в языках, а также использоваться в вузовских курсах по общему языкознанию, лексикологии и когнитивной лингвистике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Материал является новаторским, представляющим авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».